

Воспоминания о Элизе Реклю

Луиджи Галлеани

Февраль и март 1906

Луиджи Галлеани
Воспоминания о Элизе Реклю
Февраль и март 1906

<https://lib.anarhija.net/library/luigi-galleani-a-recollection-of-elisee-reclus>

ru.anarchistlibraries.net

Вспомните пыльный августовский полдень. Гнетущая и удушливая атмосфера тяжело ложилась на неподвижное озеро, сверкающее, как огромный лист полированной стали. Она нависла над истощенными виноградниками холма, проникая даже в полутень огромного кабинета, где напротив друг друга мы работали над теми или иными статистическими данными по Республике Гватемала. Как и каждый день, в тот день он упрекнул меня за то, что я приступил к работе: «Вам нужен воздух, свет, солнце, много солнца, много активности, – сказал он мне, – а тесный воздух комнаты совсем не полезен для вас. Уезжайте в Кларенс; завтра утром вы снова приступите к работе; работы, которую вы сделали сегодня днем, мне будет достаточно». Но мне это не понравилось. Правда, я только что вернулся из заключения в самых мрачных тюрьмах Франции, и целебная сила воздуха и солнца могла пойти мне только на пользу, но что мне было делать в Кларенсе, бездельничая по восемь-девять часов, и мог ли я извлечь из этого

больше удовольствия и пользы, чем из этих пятнадцатиминутных передышек, когда Элизе, отложив перо, искал для моей пользы сокровища своих воспоминаний или, еще лучше, прогоняя сомнения, еще больше укреплял мои затаенные стремления к бунту? Тогда я оставался рядом с ним, работал или читал, иногда неожиданно прерывал его лихорадочную работу горячим вопросом и, ласкаемый его простыми и добрыми словами, долго пил счастье и радость. Зачем же мне было выходить? Но в тот день слуга, прервав одно из этих восхитительных перемирий, принес Элизе две открытки: одну от Флоке, председателя палаты депутатов, другую от Фрейсине, который тогда был, если память меня не обманывает, военным министром. Эти персоны вежливо попросили выразить свое почтение прославленному географу Элизе Реклю. «Скажите, что Реклю не может их принять, – твердо сказал он слуге и мне, поднявшемуся, чтобы выйти из комнаты, – оставайтесь здесь. Я не приму этих низких созданий». На мгновение он, казалось, захотел объяснить мне интимную причину этого резкого отказа, дать волю горечи, которую вызвал в нем вид этих двух ставших знаменитыми имен, воспоминания о подлости и интригах, которые они ему напомнили. Легкий румянец охватил его лицо, он посмотрел на глицинов, склонившихся над яростным зеркалом озера, затем, склонив чистый лоб над белыми страницами, почти неслышно прошептал: «Лучше бы поработать». Но в тот день нам не суждено было работать. Едва установилась тишина, как горничная Тереза, вернувшись в кабинет, шепнула мне на ухо, что кто-то ждет меня снаружи. Я тихонько встал и, к радостному удивлению, обнаружил в прихожей Огюста, прекрасного товарища, с которым я делил черный хлеб Республики в Мазасе, в Шомоне, в Лионе. Высланный насильно в Италию, он снова отправился из Милана, *pidibus calcantibus* (своими ногами) и пешком вернулся в Париж.

Он был тогда подростком, почти ребенком, но полон пыла и ума; годы, борьба, страдания, к счастью, не умалили ни его бодрости, ни его доброты, и тогда, как и сегодня, он был для меня дорогим, очень дорогим товарищем. Но в каком состоянии! Большую часть своих ботинок он оставил на вершине Симплона. Путешествие беженцев не обошлось без ущерба для его гардероба, и на его волосах, как у Дантона, можно было насчитать почти столько же соломинок, сколько волос; его рукава были изрешечены дырами около локтей, и, в довершение всего, его неуправляемые ноги торчали сквозь прорехи чулок. Я дал ему ключи от своей маленькой комнаты, умоляя его пользоваться моей гардеробной, где одежду хотя бы штопали и стирали. Затем я умолял его вернуться как можно скорее и встретиться со мной снова. Мы бы с радостью сохранили эту встречу. Я снова вошел в кабинет.

«Какие-нибудь новости?» – с тревогой спросил Элизе.

«Отличный итальянский товарищ, который приехал из Милана и идет в Париж – пешком».

«Почему вы не попросили его войти?»

«Потому что бедный дьявол в таком состоянии!...»

«Какая разница? Пусть войдет; мне приятно видеть его и знать его, ведь он так молод и так хорош собой».

Я должен был пойти и поискать его. Огюст медленно поднимался по склону, который вел к моей маленькой хижине, волоча за собой боль и усталость. Он стоял, как вкопанный, и там, в этом огромном кабинете, дверь которого всего полчаса назад была распахнута перед двумя

выдающимися людьми, двумя сильными мира сего, бродяга в лохмотьях, весь в пыли, затравленный, радостно улыбался в объятиях Элизе Реклю, которая осаждала его вопросами о движении в Италии, о товарищах в Милане, об их недавней борьбе, о планах на будущее, об условиях работы и жизни, нежный, как ребенок, ласковый, как брат, скромный и деликатный, как все сильные, все великие, все хорошие.

Февраль и Март 1906. Ishill, Joseph. (1927). Élisée and Élie Reclus: In Memoriam. Compiled, ed. and printed by Joseph Ishill. Berkeley Heights, N.J.: Oriole Press.